

# ЭМИГРАНТСКАЯ БРОШЮРА „НА СМЕРТЬ М. Л. МИХАЙЛОВА“

Сообщение Е. Кушевой

Печатаемая ниже редкая брошюра «На смерть М. Л. Михайлова» не была до последнего времени известна и не упоминалась в литературе. Впервые указание на нее появилось в библиографическом справочнике «Русская подпольная и зарубежная печать» (I, М. 1935), где она описана по экземпляру библиотеки ИМЭЛ. Ниже текст брошюры воспроизводится именно по этому экземпляру — сколько знаем, единственному в московских и ленинградских хранилищах.

Некрологическая литература о Михайлове очень бедна. Весть о его смерти, последовавшей 3 августа 1865 г. в сел. Кадае Нерчинского округа, дошла до Петербурга в начале сентября, но, по цензурным условиям, почти не была отмечена в легальной прессе.

Что касается нелегальной литературы, то до сих пор был известен только один отклик ее на смерть Михайлова — краткая заметка Герцена в «Колоколе» с выразительным заголовком «Убили»<sup>1</sup>. Печатаемая брошюра — второй подобный отклик, но более значительный по объему.

Анонимная брошюра «На смерть М. Л. Михайлова» имеет помету герценовской «Вольной русской типографии» в Женеве. Обозначения года на ней нет, но время ее написания и появления в печати определяется легко: судя по письмам Герцена, известие о смерти Михайлова дошло до Женевы в 20-х числах сентября нового стиля<sup>2</sup>, а в листе «Колокола» от 15 октября 1865 г. название брошюры уже было включено в список объявленных к продаже изданий. Значительно труднее назвать ее автора, — никаких указаний на него мы в литературе не встречаем. Приходится ограничиться предположениями и общими указаниями на эмигрантские круги, из которых брошюра вышла.

Женевская эмиграция 1865 г. далеко не была однородна. Герцен и Огарев представляли старую эмиграцию, которая не ладила с «молодою», особенно пополнившейся благодаря репрессиям, сопровождавшим подъем революционного движения начала 1860-х годов. Герцен считал «молодых» невежественными, лишенными и таланта, и образования. «Молодые» находили его отставшим, устаревшим, не понимающим настоящего положения революционного движения и неспособным руководить им в печати. Начало 1865 г. было отмечено резким столкновением «молодых» с Герценом, не согласившимся ни на выдачу денег из так называемого Бахметьевского фонда на задуманный «молодыми» самостоятельный орган, ни на совместное с «молодыми» издание «Колокола». Первый вопрос, который встает при определении автора брошюры, это вопрос об отнесении его к старой или молодой эмиграции. Один внешний признак позволяет, еще не обращаясь к содержанию брошюры, решить его в пользу «молодых».

Брошюра вышла с пометкой: «Издано в пользу «Кассы взаимного вспомоществования русских эмигрантов». Немногие сведения о «Кассе», которые удалось собрать, показывают, что она была предприятием молодой эмиграции, созданным для облегчения ее денежных затруднений, при чем поводом к организации «Кассы» было опять-таки столкновение с Герценом. Вот что рассказывает

о возникновении «Кассы» Е. Гижичкий, бывший в 1863—1867 гг. эмигрантом, но просивший в начале 1870-х годов о разрешении вернуться в Россию и поместивший в 1873 г. в «Московских Ведомостях» статью о русской эмиграции<sup>3</sup>: «эмигрант Л. [Лугинин?] попросил у Герцена 120 фр. из «Общего фонда» [фонда, созданного при редакции «Колокола» на «общее дело»]; Герцен дал только 60 фр., что вызвало возмущение среди молодой эмиграции; по инициативе антигерцениста Якоби была создана эмигрантская касса взаимного вспоможения, особая от «общего фонда», с которым она все же в конце концов слилась по желанию кассира Н, поддержанного партией герценистов». В этом рассказе нет дат, но их можно установить. Касса существовала всего около года: помещенный в листе 213 «Колокола» отчет кассы — с 1 сентября 1865 г. по 1 января 1866 г. — указывает, что она была открыта с 1 сентября 1865 г., а об упразднении ее и о передаче в «Общий фонд» оставшихся в ней в то время 257 фр. было объявлено в листе 228 от 1 октября 1866 г. Под напечатанным в «Колоколе» отчетом кассы стоит подпись Л. Мечникова, который был «распорядителем» кассы с самого ее возникновения, — письмо Герцена от 17 сентября 1865 г. называет кассу «мечниковским комитетом»<sup>4</sup>. О близком отношении Мечникова к делам кассы говорит и упоминание о ней в брошюре А. А. Серно-Соловьевича «Миколка-публицист»<sup>5</sup>: «Кассу-то эмигрантскую помните г. Лев Мечников, как Миколка [Н. Николадзе] оттуда деньги стянул, да вас же потом обвинял: «не клади мол плохо, не вводи меня в грех» — эпизод, рассказанный и Гижичким, который пишет о Николадзе: «Он начал черпать» из кассы «в самый день ее основания, черпал во все время ее существования, и он же нанес ей окончательный удар, заняв однажды все, что было в кассе и... удрал из Швейцарии».

Сопоставление дат показывает, что брошюра о Михайлове вышла вскоре после того, как «касса» «молодых» возникла, а назначение сбора от продажи брошюры в пользу нового предприятия не оставляет сомнения в том, что она вышла из кругов молодой эмиграции. Это находит полное подтверждение и в содержании брошюры: при общем сочувственном отношении к Михайлову, как к жертве притеснительного произвола и жестокости, в ней есть нотки пренебрежения и снисхождения к нему как к представителю старого поколения, как к человеку, не чувствовавшему себя годным для «нового», т. е. революционного, дела и призывавшему молодежь совершить его. Характерно и упоминание о «гениальной энергии Чернышевского», к которому, как известно, молодая эмиграция относилась с особым уважением.

Кто же из многочисленного в 1865 г. женеvского круга молодых эмигрантов был автором брошюры? Содержание ее не дает достаточно ясных на это указаний. Некоторые сообщения брошюры — о допросах Михайлова, о ходе его дела, об его переживаниях, связанных с использованием следователями имени близкой Михайлову Л. П. Шелгуновой, — показывают, что автор брошюры воспользовался сведениями, полученными от самой Шелгуновой и хотя и не имел перед собою написанных для нее Михайловым записок о 1861—1862-х годах<sup>6</sup>, но был осведомлен об их содержании. От Шелгуновой же могли идти и некоторые из сообщенных в брошюре биографических сведений. Уехавшая из России в конце 1863 г. Шелгунова, принадлежавшая по возрасту к старшему поколению, сошла в Швейцарии именно с кругами молодой эмиграции. Она держала в Женеве пансион, где жили некоторые из «молодых» эмигрантов; в столкновении Герцена с «молодыми» в начале 1865 г. она, вместе с А. А. Серно-Соловьевичем и П. И. Якоби, была на крайнем левом фланге антигерценистов; можно не сомневаться, что она имела отношение и к «кассе» молодой эмиграции; наконец, она была лично близка к вожаку «молодых» А. А. Серно-Соловьевичу. Последнее позволяет говорить о нем, как о возможном авторе брошюры. Но есть доводы и против этого. К весне 1865 г. относятся резкие столкновения Серно-Соловьевича с Шелгуновой, особенно обострившиеся после того, как Шелгунова отослала в Россию маленького сына Серно-Соловьевича. К весне же относится и начало

# НА СМЕРТЬ М. Л. МИХАЙЛОВА



Своей отчизнѣ угнетенной  
Хотѣлъ помочь онъ...

М. Л. Михайловъ. (Изъ М. Горьмана).

7-го Августа умеръ въ Кадаѣ извѣстный литераторъ Михайль Ларионовичъ Михайловъ, замученный болезнью, лишениями, каторгой.

Михайловъ принадлежалъ къ числу весьма рѣдкихъ теперь у насъ литературныхъ дарованій. И съ этой стороны онъ достаточно извѣстенъ всему читающему люду. Намъ онъ еще дороже какъ человекъ, какъ одинъ изъ еще болѣе рѣдкихъ у насъ мучениковъ свободной мысли.

Михайловъ родился 36 лѣтъ тому назадъ въ Илецкой заштукѣ, въ Оренбургской губерніи. Дѣдъ Михайлова былъ крѣпостной человекъ, заслѣженный до смерти за неповиновеніе помѣщичьей власти. Отецъ Михайлова, (начальникъ Илецкихъ заводовъ) умирая, попорилъ Михаилу Ларионовичу чтобъ онъ помыслилъ историю своего дѣда, никогда не дѣлался баринамъ и стоялъ за крестьянъ. Это Михайловъ свазалъ въ Сенатѣ при допросѣ. Дѣдъ описанъ въ *Семейной Хроникѣ* С. Т. Аксакова, которому принадлежало имѣніе. Однимъ изъ воспитателей Михайлова былъ сосланный Польшку и отъ него Михайловъ заимствовалъ то истинное понизаніе патриотизма и гражданскаго долга, которое весьма рѣдко въ насъ русскихъ.

Патриотизмъ нашихъ массъ, тамъ гдѣ онъ есть въ нихъ, чрезвычайно топорной работы; тогда какъ въ нашихъ угнетенныхъ родичахъ полякахъ онъ силенъ и рядомъ доходитъ до истинно высокаго — до сознательности. Мы способны искренно гордиться тѣмъ, что "земля наша велика и обильна", что одна наша Оренбургская губернія больше цѣлой Франціи. И при этомъ намъ въ голову не приходитъ спросить себя: что-же мы сдѣлали съ той желѣзной силой, съ тѣми громадными богатствами, которыми безо всякой доблести съ нашей стороны даны намъ природою. Такойъ гуртовой, пональный фактъ. А что изъ него бываютъ

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ БРОШЮРЫ «НА СМЕРТЬ М. Л. МИХАЙЛОВА»

Институтъ Маркса—Энгельса—Ленина, Москва

первого приступа психической болезни Серно. Он был помещен в лечебницу для душевнобольных, где находился — правда, с перерывами — до июня 1866 г. и оправился от болезни только к концу 1866 г.<sup>7</sup> Все это не исключает возможности авторства Серно-Соловьевича, но делает его маловероятным. Возможным представляется и авторство Мечникова — распорядителя «кассы». Судя по написанному о Шелгуновой роману Утиной-Урбан «Людоедка», где Мечников выведен под фамилией Кречетова<sup>8</sup>, он был постоянным посетителем Шелгуновой и участником ее литературных предприятий. Но и здесь нельзя пойти дальше предположений.

Брошюра представляет интерес, как единственный обширный некролог М. И. Михайлова и как одно из первых литературных выступлений «молодой» эмиграции.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> «Колокол», лист 205 от 1 октября 1865 г.

<sup>2</sup> А. И. Герцен, Сочинения, т. XVIII, стр. 223.

<sup>3</sup> «Русские эмигранты». — «Московские Ведомости», 1873, № 13, стр. 4.

<sup>4</sup> А. И. Герцен, Сочинения, т. XVIII, стр. 212.

<sup>5</sup> Женева, 1868, стр. 11—12.

<sup>6</sup> М. Михайлов, Записки (1861—1862), П. 1922.

<sup>7</sup> А. И. Герцен, Сочинения, т. XVIII, стр. 90, 148, 243. Н. Огарева-Тучкова, Воспоминания, М. 1903, стр. 235—236. — «Звенья», т. V. А. А. Серно-Соловьевич. «Народное Дело», 1869, № 7—10, стр. 105—112.

<sup>8</sup> «Дело», 1874, № 9—10.

### „НА СМЕРТЬ М. Л. МИХАЙЛОВА“

Своей отчизне угнетенной  
Хотел помочь он...

М. Л. Михайлов (Из М. Гартмана)<sup>1</sup>.

3/15 Августа умер в Кадае известный литератор Михаил Ларионович Михайлов, замученный болезнью, лишениями, каторгой.

Михайлов принадлежал к числу весьма редких теперь у нас литературных дарований, и с этой стороны он достаточно известен всему читающему люду. Нам он еще дороже как человек, как один из еще более редких у нас мучеников свободной мысли.

Михайлов родился 36 лет тому назад в Илецкой защите, в Оренбургской губернии<sup>2</sup>. Дед Михайлова был крепостной человек, засеченный до смерти за неповиновение помещицкой власти<sup>3</sup>. Отец Михайлова (начальник Илецких заводов)<sup>4</sup>, умирая, говорил Михаилу Ларионовичу, чтоб он помнил историю своего деда, никогда не делался барин и стоял за крестьян. Это Михайлов сказал в Сенате при допросе<sup>5</sup>. Дед описан в Семейной хронике С. Т. Аксакова, которому принадлежало имение<sup>6</sup>. Одним из воспитателей Михайлова был сосланный Поляк<sup>7</sup>, и от него Михайлов заимствовал то истинное понимание патриотизма и гражданского долга, которое весьма редко в нас, русских.

Патриотизм наших масс, там где он есть в них, чрезвычайно топорной работы; тогда как в наших угнетенных родичах поляках он сплошь и рядом доходит до истинно высокого — до сознательности. Мы способны искренно гордиться тем, что «земля наша велика и обильна», что одна наша Оренбургская губерния больше целой Франции. И при этом нам в голову не приходит спросить себя: что же мы сделали с той железной силой, с теми громадными богатствами, которые безо всякой доблести с нашей стороны даны нам природою. Таков гуртовый, повальный факт. А что из него бывают редкие, но блистательные исключения, этому доказательство опять-таки тот же Михайлов...

Образование свое он окончил в Петербургском университете, где товарищем его был Чернышевский; некоторое время они даже жили вместе<sup>9</sup>.

Чернышевский в университете был верующим до фанатизма<sup>9</sup>. Михайлов успел гораздо раньше отделаться от всякого мистицизма и догматизма. Юношеский жар своей души, требовавшей фанатических привязанностей и страстной любви, он перенес на дело свободы и мысли. Чернышевский впоследствии всегда говорил, что первый толчок на пути к развитию был дан ему Михайловым<sup>10</sup>.

Со своей стороны Михайлов, развившийся в те времена, когда положение России казалось вполне безвыходным, безотрадным, тем склоннее был к несколько апатическому отчаянию, чем сильнее любил свою родину, чем яснее понимал свои обязанности как человека и гражданина. В этом отношении влияние гениальной энергии Чернышевского было для него спасительную поддержку.

Михайлов не был бойцом от природы, как Белинский, как Чернышевский и Добролюбов. Поэтому он и не выступил на полемическое поприще, которое из всех представлявшихся косвенных путей было бы ближайшим к цели. Он избрал себе иную дорогу и, как поэт, он остался верен себе, своему долгу, своей мысли. Немногие из наших оригинальных поэтов высказали столько самобытности и такое богатство внутреннего содержания, как Михайлов своими переводами.

Когда наконец тронулся лед, чуткие натуры почували рассвет после долгой зимней ночи, казавшейся безрассветною, — Михайлов, как и другие, радостно встрепенулся навстречу желанному дню.

Долгая безотрадность развеяла когда-то богатые силы. Много больного шевельнулось в Михайлове рядом с поздно проснувшейся надеждой. Он понял, что ничего кроме горячей любви, кроме горького опыта и долгой работы мысли он не может отдать дорогому делу.

— Новому делу и новые люди.

И он обращается к этим новым людям, «к молодому поколению»<sup>11</sup>, с твердой верой в него, без зависти к ним за то, что они счастливее его поставлены к общему делу, без страха перед тупою силою, которая задавит и его и тех, кто смело откликнется на смелый призыв: самого дела она не задавит.

---

14 Сентября 1861 г. Михайлов был арестован за распространение воззвания К Молодому Поколению по доносу Вс. Костомарова, бывшего его помощником в этом деле<sup>12</sup>.

Началось одно из безобразнейших даже в летописях русского правительства будто бы судебных следствий.

Придерживаясь чичиковского правила, что «не столько самое дело, сколько соблазн вреден», правительство ни почему не хочет огласить дела о распространении воззваний. Со всевозможными натяжками оно притягивает Михайлова к делу московских студентов и тайных типографий<sup>13</sup>.

Тут же делается первый опыт поручения следствий по политическим делам полицейскому сыщику. Выписывают из Москвы какого-то доморощенного Видока, Путилина, плутоватого, но преданного как пудель и обладающего уму непостижимым чутьем гончей собаки<sup>14</sup>.

Суд Михайлова — первый шаг правительства Александра II на том пути бесстыдства, на котором очень скоро потом оно достигло столь замечательной степени совершенства. Тут еще, за неимением улик, считают необходимым добиться личного признания обвиняемого. При суде Чернышевского подобными соображениями уже не стеснялись: его сослали на каторгу так, как Муравьев вешал в Литве, то есть не только после полной

шей невозможности юридически доказать голословно предполагаемую виновность, но даже после того, что суд и следствие открыли неопровержимые доказательства его безвинности! Как тут удержаться от восклицательных знаков...

Конечно в средствах добиться признания от Михайлова не стеснялись. В. Костомаров, в минуту испуга решившийся сделать первый шаг, пока еще воздерживался от дальнейших показаний...<sup>15</sup>. И вот московская ищейка изошряет свое полицейское воображение, исчерпывает над несчастным все пытки, которыми можно истерзать человека, не сдирая с него кожи и не поджигая его на медленном огне. Ему грозят гибелью любимой им женщины и ее ребенка<sup>16</sup>; в течение нескольких дней он слышит детский плач в соседней комнате — однако же остается тверд...<sup>17</sup>.

Относительно В. Костомарова полицейская изобретательность оказалась действительнее... Во время одной из очных ставок он объявил Михайлову, что если тот не сознается, то он намерен рассказать все. Это уже была чистая угроза запутать в дело лиц, невинных ни душою, ни телом; в предупреждение чего, конечно Михайлов поспешил принять на себя все, в чем только его ни обвиняли<sup>18</sup>.

Кроме уже упомянутого воззвания К Молодому Поколению было найдено еще несколько прокламаций — произведений петербургской безымянной рукописной литературы, деятели которой точно так же, как например авторы народных сказаний и песен, остаются вечно неизвестными и друзьям и недругам. Михайлов и эти прокламации принял на себя<sup>19</sup>. За это ему было прибавлено полгода каторги, так что полный срок осуждения составил 6½ лет<sup>20</sup>.

Ради каких-то высших политических соображений или по непонятной игре полицейского воображения, поторопились приговором, чтобы прочесть его непременно 14 декабря<sup>21</sup>.

Как ни безобразно со стороны правительства рассказанное дело, оно никого однако же не удивит, в особенности после того, чего мы были недавними свидетелями в Польше и у себя дома. Юргенс замучен в тюрьме за то, что имел влияние на польскую молодежь<sup>22</sup>; Траугут повешен со сломанными пыткой костями<sup>23</sup>; Хмелинский расстрелян и Сераковский повешен — оба смертельно ранены<sup>24</sup>. Это поляки. Аргиропуло и Спасский замучены в тюрьме, только не плетью и каленым железом — это до сих пор было исключительною привилегиею поляков, — а нравственной пыткой<sup>25</sup>. Ст. Бекман точно также замучен в ссылке в Вятской губ.<sup>26</sup>; говорят и Яковлева на каторге постигла та же участь<sup>27</sup>. Это уже русские и притом едва не дети. Преступление их состояло в тайном перепечатании запрещенных изданий, да и то еще не доказанное<sup>28</sup>. А Чернышевский, умирающий на каторге, когда невинность его доказана?...<sup>29</sup>.

Сравнительно со всем этим, нравственная пытка в форме суда и следствия, которой подвергали Михайлова, может показаться чем-то довольно мягким и кротким. Что же делать, если правительство до того шатко, что одно искреннее, смелое слово может подорвать основы трона, ниспровергнуть царство обедал и палачей народа. Вепрь задет за живое этим искренним словом; он огрызается дико, тупо: на то он и вепрь.

Но преследования не кончаются каторгой. Вепрю совестно себя самого; он хочет спрятать свою звериную натуру под какую-то человеческою внешностью. Он вынужден к этому опасением выказать свой страх, свое ничтожество пред свободным словом. Плеть прикрылась листком продажной газеты, жандарм вышел из своей третье-отделенской берлоги и по долгу службы и присяги клеветает в форме светского разговора в уфинских приемных на того

М. И. МИХАЙЛОВ В ТЮРЬМЕ  
(Современная литография)



самого Михайлова, которого он только что забивал в кандалы и препроводил на каторгу<sup>30</sup>.

Положим, никто из знавших хоть сколько-нибудь Михайлова не поверит жандармской клевете; тем более, что идеальное благородство его, высказавшееся особенно ярко в его ответе сенаторам<sup>31</sup>, поразило самых следователей, — что рассказы о нем ходили по всему Петербургу и подтверждались свидетельством лиц, враждебных как лично самому подсудимому, так и тому явлению нашей общественной жизни, которое представлял он собою.

Но не все в равной мере закалены против клеветы — это во-первых. А во-вторых, может случиться между слушателями жандармских сказок человек, которого возмутит до глубины души отъявленная наглость выдумки, и он бросит в лице лазутчика желчное, едкое слово. Этого и довольно: материалы для доноса, для ареста, для следствия, а стало быть — если понадобится — то и для осуждения.

Мы говорим не то, что могло бы быть, а то, что было в действительности.

Михайлов стоит настолько выше всякой клеветы, что никому не придет в голову оправдывать его. Он не избегал опасности для себя, но он не задумался ни на миг пожертвовать собою, чтобы предотвратить тень опасности, грозившей другим<sup>32</sup>.

Какой плод принесет дело, за которое погиб Михайлов? Это решит то будущее, которому он принес себя в жертву... Но какой бы ни был этот плод, — Михайлов святой пример для нас: он честно сделал то, что мог, и если бы каждый следовал его примеру, Россия не была бы тем, что она теперь...

Перед судом честных людей того поколения, к которому принадлежал Михайлов, перед судом уже зрелого теперь более юного поколения, дело его представляется далеко не маловажным. Смело заявить перед целым Петербургом, «чег о мы х о т и м?»<sup>33</sup>, до чего доработалась мысль в наше время? Это не бесплодное дело в стране, где доступ к трудам современной мысли, особливо же по вопросам общественным, закрыт для громадного большин-

ства; где ни одна живая речь не может стать гласною, не заплатив предварительно «варварской дани попам и государству»; где даже частный обмен воззрений возможен не иначе, как урывками, тайком, контрабандою.

Михайлов мог ошибиться насчет числа и силы тех, кому нужно живое слово, кто может принять его и развить в себе. Но точно ошибся ли он или нет? Это, как уже сказано, может быть разрешено только в будущем. Ошибка, если и оказалась бы, то падет не на его голову.

Многих шокировали в Михайловской прокламации фразы вроде следующей: «лучше пожертвовать несколькими тысячами дворян, чем 70 миллионов [!] народа». В этом хотели видеть призыв к избиению<sup>34</sup>. Подобное толкование, если оно не плод тупоумной трусости, может быть приписано только расчитанной злобе.

Не говоря уже о том, что отстаивать привилегии шести дармоедов против семидесяти тружеников было бы бесчеловечно, — оно просто невозможно. Как факт этот нелепый порядок может еще продержаться несколько времени, но доказывать разумность его словом или чем бы то ни было кроме плети, виселицы, штыка? Это верх безумия и притом еще продажного.

Втолковывать дворянам и недворянам о неотразимости падения всяких сословных привилегий, политических или общественных, вовсе не значит подводить кого бы то ни было под топор или под гильотину, а совершенно наоборот. Если бы привилегированные сословия настолько убедились в этой неотразимости, что исподволь и добровольно, — пока еще время, — слились с народом, то и самая возможность всякой пугачевщины исчезла бы сама собою. Если бы с другой стороны народ убедился нравственно в полнейшем праве своем на землю, то он стал бы требовать ее себе гораздо спокойнее. Где есть сознание и своего права и своей силы, там жестокость и зверство возможны как случайность, как исключение. Давит зверски тупая, бессознательная сила, действующая под влиянием темных влечений... Конечно, нет надежды на разрешение не только вполне, а хотя бы приблизительно мирное социального вопроса. С одной стороны, тупой консерватизм привилегированных сословий, с другой — несчастное положение масс служат страшным препятствием к распространению каких бы то ни было убеждений и обуславливают неизбежность кровавого столкновения в будущем.

Но тем не менее всякое слово людей, подобных Михайлову, всякая попытка убедить какую бы то ни было из враждебных сторон в неизбежности социального переворота благотворнее всех возможных полулиберальных реформ по английскому образцу и с оттенком французского полицейского демократизма. Эти последние раздражают только обоюдную доверчивость, первые же отводят роковой топор, занесенный над кем-нибудь из нас или из детей наших<sup>35</sup>.

Михайлов один из первых понял лицемерие правительства и указал нашим общественным деятелям давно забытую дорогу на каторгу.

Правительство с своей стороны увидело на Михайлове, что либерализм нашего общества, которого оно боялось было, немногим почтеннее его собственного благодушия.

Начав довольно робко, отправив сначала Михайлова на Казаковский прииск, которым начальствовал брат сосланного, оно поспешило поправиться. В Сибири получено было приказание отправить Михайлова не временно в рудники. И действительно, его перевели в Зерентуевский рудник, оттуда в Кадаю, где он покончил наконец свою мученическую жизнь<sup>36</sup>.

Затем оно приняло ссылать направо и налево и усердно клеветать на сосланных. Осужденных за нигилизм обвиняли в поджогах<sup>37</sup>, осужденного за делание фальшивых ассигнаций — в нигилизме<sup>38</sup>. Имелось в виду голько

одно: очернить и оклеветать все честное и благородное в глазах народа.

Чернышевский, Обручев, Заичневский, Баллод, Мартьянов, Яковлев и сколько еще других сослано на каторгу<sup>39</sup>. А сколько на поселение, а сколько в изгнании? Считайте сами, хоть по С. Петербургским Ведомостям. Студент Михаэлис пересылался из губернского города в уездный, пока наконец не попал в Тару. Причина этого перемещения едва ли и самому богу известна<sup>40</sup>. Григорьев отправлен в Охотск за разговоры с крестьянами<sup>41</sup>, Красовский пропал без вести, будучи взят в Киеве за человеческое обращение с солдатами<sup>42</sup>.

А Серно-Соловьевич, Освальд?<sup>43</sup> А Шелгунов, сосланный в Тотьму за недоказанное участие в деле сочинения и распространения прокламации к войску?<sup>44</sup> А гарибальдиец Бейдеман, содержащийся уже несколько лет в крепости без суда и следствия...<sup>45</sup>

Сколько еще... да всех не перечесть...

Издано в пользу

«Кассы взаимного вспомоществования русских эмигрантов». Цена 50 сантимов. Женева. Вольная Русская типография, 40, Pré l'Évêque.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Из стихотворения Морица Гартмана «Белое покрывало», впервые напечатанного в переводе Михайлова в «Современнике» за 1853 г., кн. 3, стр. 174—176, и пользовавшегося большим распространением.

<sup>2</sup> М. И. Михайлов родился 3 января 1829 г., но не в Илецкой Защите, а в Оренбурге, где его отец служил с 1826 по 1835 г. в губернском казначействе и в канцелярии военного губернатора. В Илецкую Защиту Михайловы переехали в 1835 г., когда И. М. Михайлов был назначен старшим советником Илецкого соляного правления.

<sup>3</sup> Дед М. И. Михайлова Михаил Максимович был крепостным и управляющим Надежды Ивановны Куроедовой, симбирской и оренбургской помещицы, изображенной в «Семейной хронике» Аксакова под именем Прасковьи Ивановны Багровой. Его судьба рассказана в воспоминаниях Н. В. Шелгунова: после смерти Куроедовой Михаил Максимович был отпущен на волю, но вольная была сделана не по форме. Этим воспользовались наследники, которые снова его закрепили. «Дед Михаила Михайлова протестовал, за что его заключили в острог, судили и высекли, как бунтовщика. Вот отчего он и умер». Упоминание о смерти деда в показании М. И. Михайлова следственной комиссии см. в прим. 5-м.

<sup>4</sup> Сведения об отце Михайлова, Илларионе Михайловиче Михайлове, начавшем службу 16 лет копиистом Симбирского губернского правления, дослужившемся до дворянства и ответственного поста управляющего Илецким соляным промыслом и женившемся на помещице кн. Ураковой, см. в статье В. Мияковского «М. Л. Михайлов» в «Голосе Минувшего» за 1915 г., № 9, стр. 8—11. М. И. Михайлов умер 4 мая 1845 г.

<sup>5</sup> Это сообщение не находит полного подтверждения в опубликованных М. Лемке архивных материалах дела Михайлова. В данном следственной комиссии показании Михайлов, объясняя побуждения, заставившие его заняться революционной деятельностью, писал: «Покойный отец мой происходил из крепостного состояния, и семейное предание глубоко запечатлело в моей памяти кровавые события, местом которых была его родина. По беспримерной несправедливости, село, где он родился, было в начале последнего столетия подвержено всем ужасам военного усмирения. Рассказы о них пугали меня еще в детстве. Гроза прошла даром и над моими родными. Дед мой был тоже жертвою несправедливости: он умер, не вынес позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания. Такие воспоминания не истребляются из сердца».

<sup>6</sup> Под именем «Михайлушки» в главе «Михаил Максимович Куролесов». Говоря о судьбе «Михайлушки», Аксаков ни словом не намекал на трагическую причину его смерти.

<sup>7</sup> Воспитателями Михайлова были француз Шевалье, немец, описанный Михайловым в повести «Адам Адамыч», и сыльский поляк, фамилия которого неизвестна. Очевидно, он был сослан в Оренбургскую губ. за причастность к польскому восстанию 1831 г.

<sup>8</sup> Михайлов поступил в Петербургский университет вольнослушателем в один год с Чернышевским — осенью 1846 г., но пробыл там очень недолго, уехав в начале 1848 г. служить в Нижний-Новгород. Письма Чернышевского, с которыми Михайлов познакомился на первой же лекции, говорят об их большой дружбе в уни-

верситетский период. Указаний на то, что Чернышевский и Михайлов некоторое время жили вместе, в других источниках не встречаем.

<sup>9</sup> В первые годы университета Чернышевский, сохраняя традиции священнической семьи, был религиозен, посещал службы, соблюдал посты. Решительный перелом к атеизму произошел в нем около 1850 г.

<sup>10</sup> Указание на подобный отзыв Чернышевского о роли Михайлова в его развитии встречается впервые. А. Н. Пыпин пишет, что студента Чернышевского сблизил с Михайловым литературные интересы. Письма Чернышевского к родным 1846—1847 гг., подтверждающая сильное впечатление, которое произвел Михайлов на Чернышевского при первых же встречах, не раскрывают полностью их отношений и содержания их долгих бесед.

<sup>11</sup> Как известно из воспоминаний Шелгунова, прокламация «К молодому поколению», за составление и распространение которой судился Михайлов, была написана Шелгуновым. Автор брошюры «На смерть Михайлова» называет ее «михайловской». Понятно, что если он и знал истину, он не мог ее раскрыть из боязни повредить Шелгунову, находившемуся в это время в ссылке в Вологодской губ.

<sup>12</sup> Вс. Костомаров помощником Михайлова в распространении прокламации «К молодому поколению» не был, хотя и был посвящен отчасти в это дело. После приезда из Лондона с опечатанными там экземплярами прокламации Михайлов виделся с Костомаровым в Петербурге в августе 1861 г., показывал ему опечатанную прокламацию и предлагал взять с собою некоторое количество экземпляров для распространения в Москве, от чего Костомаров отказался. Прокламация была распространена 3—4 сентября Михайловым и Шелгуновым с помощью Е. П. Михаэлиса и А. А. Серно-Соловьевича уже после ареста Костомарова в Москве, случившегося 25 августа.

<sup>13</sup> Дело Заичневского, Аргиропуло, Сулина, Сороко, Всеволода Костомарова и др., по которому был произведен у Михайлова 1 сентября 1861 г. первый безрезультатный обыск. Дело это слушалось в Сенате в октябре 1862 г., а приговор по нему был объявлен 2 января 1863 г. Дело Михайлова — о распространении воззвания «К молодому поколению» — было выделено и слушалось особо, но Михайлов допрашивался несколько раз и в следственной комиссии по делу московских студентов, к чему, надо сказать, следственный материал давал полное основание. О причастности Михайлова к этому делу см. прим. 19-е.

<sup>14</sup> Путилин, Иван Дмитриевич — известный уголовный сыщик, с 1866 г. начальник петербургской сыскной полиции. В первых числах сентября 1861 г. Путилин был прикомандирован к III отделению, которому помогал в розысках по делам Михайлова и Обручева, а позже — Чернышевского. Его записка о тайном обществе начала 1860-х годов, написанная главным образом со слов В. Костомарова и сообщающая сбивчивые и фантастические сведения, напечатана сыном Путилина в V книжке «Историч. Вестника» (за 1913 г., стр. 609—615). См. также статью К. И. Путилина «Покушение на поезде» в XII книжке «Историч. Вестника» (за 1912 г., стр. 1100—1122).

<sup>15</sup> Дело было не в том, что Костомаров воздерживался от показаний, а в том, что он сам знал о прокламации «К молодому поколению» слишком мало.

<sup>16</sup> То-есть Шелгуновой и ее сына Миши, отцом которого был Михайлов. III отделению были известны отношения Михайлова и Шелгуновой, что и было широко использовано при допросах. На первом же допросе Михайлову сказали, что Шелгунова арестована; ему была предъявлена печатка Шелгуновой с указанием, что конверты с прокламацией запечатаны ею и что адреса на конвертах писаны женскою рукою; от него часами добивались признания в том, что Шелгунова и ее брат Михаэлис участвовали в распространении прокламации. Благодаря тревоге за близких, допросы действительно были для Михайлова настоящей пыткой.

<sup>17</sup> Об этом Михайлов в своих записках не упоминает.

<sup>18</sup> В своих «Записках» Михайлов рассказывает об очной ставке с Костомаровым, заставившей его написать свое признание, но несколько иначе передает испугавшую его угрозой дальнейших разоблачений фразу Костомарова: «Не удивительно, что я молчу, а удивительно, что молчит он». Боясь, что Костомаров оговорит Шелгуновых, Михайлов согласился написать показание, в котором принял на себя целиком не только распространение прокламации «К молодому поколению» и все сношения с Герценом по ее напечатанию, но и ее составление, оговорившись лишь, что написанный им текст воззвания был сильно изменен Герценом и Огаревым.

<sup>19</sup> Здесь имеются в виду две рукописные прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», которые были написаны весной 1861 г., первая — Чернышевским и вторая — Шелгуновым. Тогда же Михайлов вел с Костомаровым переговоры о напечатании этих воззваний в Москве, при чем текст прокламации к солдатам, переписанный

санный Шелгуновым, в который внес свои поправки, передал Костомарову лично, а текст прокламации к крестьянам, который переписал сам, переслал в Москву со студентом Сороко. Обе рукописи были представлены в III отделение в августе 1861 г. вместе с доносами брата В. Костомарова Николая, в одном из которых упоминалось, что воззвание к крестьянам писано рукой Михайлова. Именно этот донос и был причиной обыска у Михайлова 1 сентября 1861 г. При допросе Михайлов показал, что оба воззвания попали в его руки, так как ходили по Петербургу в списках, что воззвание к солдатам было передано им В. Костомарову, а к крестьянам — Сороко, но просто для прочтения. Боясь за Шелгунова, Михайлов тогда же показал, что прокламацию к солдатам переписал сам измененным почерком с неразборчивого списка. Позже, при допросах в следственной комиссии, в связи с сообщенными другими обвиняемыми сведениями, Михайлов несколько изменил свое первоначальное показание, признав, что, передавая прокламации, желал, чтобы они были напечатаны, но плохо на это рассчитывал и не помнит, «выражал ли даже положительно свое желание».

<sup>20</sup> Это сообщение неточно. Михайлов судился только за составление и распространение прокламации «К молодому поколению» и по определению Сената, утвержденному Государственным советом 21 ноября 1861 г., был приговорен к каторжной работе в рудниках на 12 лет и 6 месяцев. При confirmации приговора Александром II 23 ноября срок каторжных работ был ограничен шестью годами. Сенатским определением показание Михайлова о прокламациях к крестьянам и к солдатам было передано в следственную комиссию по делу московских студентов. На 6-й департамент Сената, в который в 1862 г. поступило это дело, «имея в виду, что над губернским секретарем Михайловым суд произнесен и Михайлов подвергнут уже наказанию», оставил вопрос о виновности Михайлова без рассмотрения.

<sup>21</sup> Публичное произнесение приговора Михайлову и обряд гражданской казни были совершены 14 декабря 1861 г., в 8 час. 10 мин. утра, на Сытной площади, при незначительном числе случайных зрителей. Правительство боялось сочувственной Михайлову демонстрации и позаботилось о том, чтобы о дне церемонии не знали заранее: объявление о ней было помещено только в номере «Ведомостей СПб. городской полиции» от 14 декабря.

<sup>22</sup> Юргенс, Эдуард (1823—1863) — польский общественный деятель, организатор польского интеллигентского кружка молодежи в Варшаве во второй половине 1850-х годов. Не сочувствовал планам восстания и не участвовал в его подготовке, но в начале 1863 г. был все же арестован и умер в крепости при невыясненных обстоятельствах.

<sup>23</sup> Траугут Ромуальд (1826—1864) — диктатор польского восстания 1863 г. С 1844 г. служил в русских войсках. Участвовал в восстании 1863 г. и в октябре 1863 г. принял власть диктатора. Арестованный 11 апреля 1864 г., повешен на стенах Варшавской цитадели 5 августа 1864 г.

<sup>24</sup> Хмелинский, Сигизмунд (1833—1863). Служил поручиком артиллерии в русских войсках. В 1861 г. эмигрировал и принял видное участие в восстании 1863 г. Был тяжело ранен, взят в плен и расстрелян в 1863 г. в Радоме. Сераковский, Сигизмунд Игнатьевич (1826—1863) — капитан Генерального штаба, известный деятель русско-польского революционного движения, близкий к Чернышевскому и изображенный им в романе «Пролог» под именем Соколовского. Принимал видное участие в восстании 1863 г., командуя отрядами повстанцев. Тяжело ранен 27 апреля 1863 г., взят в плен и 15 июня повешен в Вильне.

<sup>25</sup> Указание на нравственную попытку в этих двух случаях как раз мало подходит. Студент 4-го курса Петербургского университета Николай Павлович Спаский был заключен 2 октября 1861 г. в Петропавловскую крепость вместе с другими участниками студенческих волнений. В крепости он заболел тифом и умер 29 ноября 1861 г. в госпитале. Перикл Эммануилович Аргиропуло (1839—1862) — студент Московского университета, один из основателей московского студенческого кружка начала 1860-х гг. и, наряду с П. Г. Завичневским, его виднейший деятель, был арестован в Москве 22 июля 1861 г. Весной 1862 г., находясь в заключении в Тверской части, Аргиропуло заболел тифом и в конце июня был освобожден под домашний арест. После состоявшейся 1 ноября 1862 г. confirmации сенатского определения, сократившей назначенный ему 2½-летний срок заключения в смиренном доме до 1 года, Аргиропуло был снова помещен в Тверскую часть, но после перенесенной болезни не вынес «смрада, грязи и гадости тюремного заключения» и умер 18 декабря 1862 г. в полицейской больнице еще до публичного объявления приговора.

<sup>26</sup> Студент Бекман Яков Николаевич (1836—1863) — студент Харьковского университета, один из инициаторов организованного в Харькове в начале 1856 г. тайного общества, имевшего целью совершение государственного переворота. В апреле 1858 г. исключен из университета за участие в студенческих волнениях и через год поступил вольнослушателем в Киевский университет. Арестован в Киеве

1 февраля 1860 г. по делу харьковского тайного общества и с 6 марта по 24 июня 1860 г. содержался в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. Постановлением следственной комиссии, утвержденным 19 апреля 1860 г., приговорен к ссылке в Вологодскую губ., где вошел в общество «Земля и Воля». Арестован вторично 6 сентября 1862 г. и с 11 сентября по 31 сентября 1862 г. снова содержался в Петропавловской крепости — по делу о малороссийской пропаганде. Высланный в Самару, умер там 6 октября 1863 г. от изнурительной лихорадки.

<sup>27</sup> Студент Петербургского университета Алексей Андреевич Яковлев принимал участие в студенческих волнениях 1861 г. и с 12 октября по 6 декабря находился в заключении в Петропавловской крепости и Кронштадтской казарме. Арестован вторично 10 мая 1862 г. за пропаганду среди солдат л.-гв. Саперного полка и за передачу им воззвания «Что нужно народу?». Содержался в Трубцеком бастионе Петропавловской крепости. Военным судом был приговорен к смертной казни через расстреляние, замененной при конфирмации каторжными работами на 6 лет. В декабре 1862 г. отправлен в Сибирь, в 1863 г. назначен на Николаевский завод Иркутской губ., в 1864 г. переведен в Забайкальскую область. Известие об его смерти было помещено в 211 листе «Колокола» от 1 января 1866 г.

<sup>28</sup> Как видно из сообщенных выше сведений, революционная деятельность большинства из перечисленных лиц была далеко не такой скромной.

<sup>29</sup> В это время Чернышевский находился на том самом Кадаинском прииске, где умер Михайлов. Условия жизни там были тяжелы, и Чернышевский болел ревматизмом. Известия об его болезни дошли до заграницы и появились в «Колоколе».

<sup>30</sup> К сожалению, не можем указать, о какой газетной статье идет здесь речь. Повидимому, ее же имел в виду Герцен в датированной 20 июня 1862 г. статье «Дурные оружия» в 137 листе «Колокола», упоминая о связанных с именем Михайлова «голубых (т. е. жандармских) утках и московских сплетнях».

<sup>31</sup> В 131-м листе «Колокола» от 1 мая 1862 г. были напечатаны «Ответы М. М. (!) Михайлова», будто бы сообщенные Герцену в вагоне одним из присутствовавших на суде сенаторов и, как выяснилось после опубликования дела Михайлова, совершенно апокрифические. В данном случае, очевидно, имеется в виду ответ на вопрос: «Не действовали ли вы против правительства и как именно?», на что Михайлов будто бы ответил: «Вы дошли до такого вопроса, на который привыкли получать отрицательный ответ. Но на этот раз откровенность взяла верх. Я не буду спорить с вами. Да, я действовал против правительства путем пропаганды, тем последним путем, который вы стараетесь запретить легионами ваших сыщиков. А кстади по какому праву эта подлая сволочь, спрощу я вас, содержится на счет правительства, а не государя?» и т. д.

<sup>32</sup> Эта фраза указывает на то, что автор брошюры знал истину.

<sup>33</sup> Значительная часть прокламации «К молодому поколению» посвящена ответам на вопрос: «Чего мы хотим?», в которых автор прокламации изложил свою программу. Ее важнейшие пункты — выборная и ограниченная власть, развитие начал самоуправления, равенство прав и обязанностей, уничтожение следов крепостного права и передача земли земледельским общинам.

<sup>34</sup> Здесь цитируется на память и не вполне точно следующая фраза прокламации: «Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого».

<sup>35</sup> Защищая прокламацию «К молодому поколению» от упреков в кровожадности, автор брошюры смягчает ее революционный характер. Прокламация содержала прямой призыв к революции.

<sup>36</sup> Благодаря письмам из Петербурга и особенно письму петербургского ген.-губернатора кн. Суворова ген.-губернатору Восточной Сибири Корсакову Михайлову на пути по Сибири оказывались всевозможные льготы, и он был помещен на Казаковский прииск Нерчинского округа, где, освобожденный от работ, жил на квартире у своего брата, горного инженера Петра Илларионовича Михайлова, и куда летом 1862 г. к нему приехали Шелгуновы. Но такое благополучие продолжалось недолго: в сентябре 1862 г. Шелгуновы были обысканы, отданы под домашний арест и увезены сначала в Ундинскую слободу, а затем в Иркутск, откуда в марте 1863 г. Шелгунов был отправлен арестованным в Петербург; Петр Илларионович и начальник Нерчинского горного округа О. А. Дейхман были отданы под суд за оказанные Михайлову послабления, а еще раньше, в апреле 1862 г., по жандармскому доносу возникло дело о послаблениях, оказанных Михайлову в Тобольске. Все это вызвало перевод Михайлова с Казаковского прииска в Кадаинский рудник, к которому фиктивно он был приписан еще с 7 марта 1862 г. В Кадае Михайлов и умер 3 августа 1865 г. от воспаления почек. О том, что Михайлов находился некоторое время в Зерентуйском руднике, сведений в литературе не встречаем.

<sup>37</sup> Появление в мае 1862 г. прокламации «Молодая Россия», почти совпавшее с грандиозными пожарами в Петербурге, вызвало обвинение студентов в поджиге,

гательстве, которое поддерживалось некоторое время самим правительством и повторялось реакционной прессой. В 1864—1865 гг., в связи с пожарами в Западном крае, в реакционных газетах вновь появились намеки на поджигателей, но в новой версии — о «тульчинской агентии» Герцена.

<sup>38</sup> Здесь имеется в виду вольнопрактикующий врач И. И. Ганценбах, который судился в 1865 г. за пособничество в составлении фальшивых документов. Приговор Ганценбаху был напечатан в «Ведомостях СПб. городской полиции» непосредственно вслед за приговором по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами (дело Н. Серно-Соловьевича, П. Ветошникова, Н. Владимировича и др.), с сообщением, что публичное объявление приговоров будет происходить: Серно-Соловьевичу — 2 июня, Ветошникову — 3-го, Владимирову — 4-го и Ганценбаху — 5-го числа. Это намеренное сближение революционеров с уголовным преступником было отмечено в нескольких статьях Герцена.

<sup>39</sup> Ю Яковлеве см. прим. 27-е. Обручев Владимир Александрович (1836—1912), Заичневский Петр Григорьевич (1842—1896), Баллод Петр Дмитриевич (1830—1918) и Мартянов Петр Алексеевич (1834—1865) судились Сенатом в 1862—1864 гг. и были приговорены к разным срокам каторжных работ в рудниках или на заводах: Обручев — в 1862 г. за распространение прокламации «Великорусс», Заичневский — в том же году по делу московского студенческого кружка, Баллод — в 1864 г. по делу карманной типографии, Мартянов — в 1862 г. за напечатание в «Колоколе» письма к Александру II. В то время, когда брошюра писалась, Мартянова уже не было в живых — он умер в Иркутской тюремной больнице в сентябре 1865 г., но известие от его смерти дошло до границы только в 1866 г. (см. лист 224 «Колокола»).

<sup>40</sup> Михаэлис Евгений Петрович (1841—1913) — брат Л. П. Шелгуновой, студент Петербургского университета и один из главных руководителей студенческого движения 1861 г. Доставлен 26 сентября 1861 г. в Петропавловскую крепость и в декабре т. г. выслан в Петрозаводск. В 1863 г. переведен в Тару Тобольской губ. — по сообщению «Колокола», лист 173 от 15 ноября 1863 г. — по ложному доносу губернатора Арсеньева за то, что будто бы отлучился за 20 верст от порога на какую-то свадьбу.

<sup>41</sup> Григорьев Николай Алексеевич — подпоручик л.-гв. Измайловского полка. Арестован в апреле 1862 г. за пропаганду среди нижних чинов и приговором военного суда от 11 октября т. г. присужден к лишению всех прав и к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири. Поселенный сначала в Баргузине Забайкальской области, переведен в 1863 г. в Амгинскую слободу Якутской области. В 1873 г. поселился в г. Верхотуренск Иркутской губ.

<sup>42</sup> О Красовском см. в помещенной в настоящем номере статье Н. Быховского.

<sup>43</sup> Освальд Николай Николаевич — студент Московского университета, исключенный за участие в студенческих волнениях 1861 г. Арестован в декабре 1862 г. за литографирование «Великорусса». Судился Сенатом и был приговорен к каторжным работам на заводах на 2 г. 8 мес., замененным ссылкой на поселение в Сибири. Поселенный сначала в Красноярске, переведен в 1865 г. в Енисейскую губ. В Сибири заболел нервным расстройством и в 1870 г. возвращен в г. Кашин Тверской губ. на попечение родственников.

<sup>44</sup> Как уже упоминалось выше, весной 1861 г. Шелгунов написал прокламацию «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», текст которой был передан через Михайлова В. Костомарову и осенью 1861 г. попал в III отделение. После ареста Михайлова прокламация была напечатана в небольшом количестве экземпляров в новой, составленной опять-таки Шелгуновым редакции и распространена среди войск петербургского гарнизона и кое-где в провинции. Дело по обвинению Шелгунова в составлении прокламации к солдатам и в пропаганде среди солдат возникло в феврале 1863 г., когда Шелгунов находился в Иркутске. В марте он был арестован, привезен в Петербург и заключен в Алексеевский рavelин. Уликами против него были только показания того же В. Костомарова и сведения составленного последним подложного письма, правильность которого Шелгунов категорически отрицал. Военный суд освободил Шелгунова от подозрения, признав улики недостаточными, но генерал-аудиторiat постановил выслать его в одну из отдаленных губерний. 24 декабря 1864 г. он был отправлен из рavelина в г. Тотму Вологодской губ. Осенью 1865 г. Шелгунов находился в Великом Устюге, куда был переведен еще в марте.

<sup>45</sup> Бейдеман Михаил Степанович — поручик драгунского полка. В 1861 г. эмигрировал. Участвовал в гарибальдийском отряде, работал в типографии Герцена. В июле 1861 г. задержан в Улеборге при попытке вернуться в Россию, при чем у него был найден подложный манифест к крестьянам. Заключен 29 августа в Алексеевский рavelин, где был оставлен без суда, по личному приказанию Александра II, впредь до особого распоряжения. В рavelине Бейдеман сошел с ума и в 1881 г. был переведен в казанскую больницу для умалишенных, где умер 5 декабря 1887 г.